

РАССКАЗЫ

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

После окончания культурно-просветительного училища Аня получила распределение на работу в большое село Подгорное. Она стояла в девяти километрах от райцентра. Комнату ей пообещали снять у сельской пенсионерки. Рейсовый автобус сломался на середине пути, и Ане, единственной пассажирке, пришлось зимней ночью идти больше часа пешком. Ей даже показалось, что на пустынной дороге, огороженной деревянными снегозащитными щитами, она видела волка. В темноте из придорожных кустов горели два внимательных глаза. Она шла и боялась обернуться. Так и вошла она в темное село, нужный дом спросила у стоявшей у колонки женщины.

— Это вам к Елизавете Дымовой, — опустила оцинкованное ведро закутанная в теплый платок селянка, — вот тот дом, из красного кирпича возле склада, видите, окно горит?

Аня благодарно кивнула и пошла на слабый огонек за красной занавеской. Дом у пенсионерки Дымовой был небольшой, кирпичный, в одно окно, с пристроенным двором из самана. Весь двор был заполнен желтыми и оранжевыми тыквами, часть из них уже успела подгнить. Старушка Елизавета встретила Аню приветливо, быстро оценив, что новая библиотечка сильно продрогла.

— Автобус сломался, — виновато сказала Аня, — я полдороги пешком шла. Мне кажется, я волка видела, сильно испугалась.

— У нас такое бывает, — кивнула пенсионерка, — ты полезай-ка на печь, задницу греть, а я щи тебе разогрею.

Аня молча и с благодарностью влезла прямо в пальто на полати. Они пахли старыми валенками, шиповником и сухой глиной. Уже через полчаса она согрелась, а бабушка Елизавета разогревала щи на электрической плите.

Она подала Ане щи прямо в помятой алюминиевой кастрюле, нарезав несколько пластиков сала и черного хлеба. Эта простая еда показалась Ане самой вкусной на свете. В это время бабушка Елизавета, бурча себе под нос, перешла к разговору о личной жизни. На стене, в деревянной рамочке висели старые, пожелтевшие семейные фотографии. Одна была самая крупная, с человеком в военной гимнастерке.

— Вот я с Петром Федоровичем тридцать лет прожила, умер десять лет назад от воспаления легких. Шестерых детей родили, трое померли, а остальных жизнь по всей стране развела. Редко приезжают, внуков всего два раза видела. Мужа всю жизнь по имени и отчеству звала, не так, как теперь у вас принято, в строгости жили, даже ни разу не поцеловались.

Аня от неожиданности поперхнулась щами:

— Как это так, шестерых детей сделали и не поцеловались?

Андрей Новиков родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Подъем», «Сибирские огни», «Симбирск», «Литературная учеба», «Берега», «Сура», «Крым», «Южное сияние»; в альманахах «День поэзии», «Паровоз». Автор пяти книг. С 2015 года возглавляет региональное отделение Союза писателей России в Липецке. Секретарь СПР.

— А что я, — хитро улыбнулась бабка Елизавета, — спать лягу, он сзади пристроится и что-то там ворочается себе, а я вид делаю, что сплю. Так дети и получались, без всяких ваших поцелуев!

Библиотечные дни были похожи один на другой. В натопленном большой металлической печью зале стоял резких запах типографской краски, книг, газет, журналов. Молодая библиотекаря Аня откровенно скучала целыми днями, дожидаясь конца рабочего дня. Уже была прочитана вся периодика, а любимые книги, которые она перечитывала, вызывали теперь раздражение и равнодушие. Она часами смотрела на тихую сельскую улицу, на кладбище, примыкавшее к деревянному зданию библиотеки. Читателей не было. Изредка в библиотеке появлялся кто-то из школьников. Она до сих пор помнит своего первого читателя — смышленного белобрысого подростка, как его почему-то боялась и непонятно почему рекомендовала четырнадцатилетнему мальчишке рассказы Борхеса. Он принес книжку через день, разочарованно признавшись, «как скучно и куце пишет этот дядя».

Ученики просили книги из школьной программы, иногда забавно путая названия и авторов, не зная, что им вообще нужно. Или просили книжку про войну или приключенческую. Школьная программа ее все более настораживала, даже на привычные басни Крылова она стала смотреть с подозрением. Вот ведь пишет: «На ель ворона взгромоздись». Сколько же должна весить такая ворона, чтобы «взгромоздиться»? А стихотворение Некрасова о медведе, которого смотритель принял за генерала? Употребил классик неуклюжее сравнение «Мохнатый седачок»? Один из юных читателей и вовсе рассмешил, попросив стихотворение Пушкина «Я помню жуткое мгновенье...». Иногда Аня делала обход по домам должников, книги возвращали в потрепанном виде, были и с коричневыми следами от тарелки с супом. Библиотекаря только вздыхала и пеняла нерадивым читателям, предупреждала, что книги больше не даст, однако покорно выдавала нужную литературу про штрафованным читателям.

Путь к домам нескольких должников проходил прямо через кладбище, так было короче. По дороге Аня с интересом рассматривала припорошенные снегом, заросшие сухим бурьяном могилы, читала таблички с именами усопших. «Да здесь все библиографические данные!» — невольно осенила ее лукавая мысль, она хорошо помнила, как пару дней назад в библиотеку наведальсь районное начальство и требовало увеличить количество читателей, грозило урезать финансирование или вовсе библиотеку закрыть.

— Что я сделаю, если нет читателей, — робко оправдывалась Аня, — кто на селе книги читает, кроме школьников?

— Вы плохо работаете, — с непроницаемым лицом отвечал ей молодой чиновник в модной финской дубленке, — ищите индивидуальный подход к сельскому труженику. Объясните трактористу или доярке, что книга — источник знаний.

Библиотекаря слушала и покорно молчала, другой работы все равно не было. Но выход из положения она нашла, и весьма необычный.

Так Аня завела в библиотеке новые формуляры с фамилиями покойников. Вначале она боялась, что обман может вскрыться, но отчеты проходили нужные инстанции, и на них никто не обращал внимания. Есть новые читатели и есть. Иногда она, осторожно проходя по кладбищу, останавливалась у могилы потустороннего абонента и весело спрашивала:

— Ну что, Валерий Иванович Карпенко, новый роман Донцовой понравился?

Ей казалось, что могильный холмик с колеблющимися на ветру останками проводочных венков глухо отвечает:

— Да разве можно это читать?

Однажды к концу рабочего дня, сидя за столом в библиотеке, Аня услышала, как тихо скрипнула входная дверь и раздались шаркающие шаги. Она привычно не подняла глаз и спросила:

— Вам какая книга нужна? У нас есть новые поступления.

Через секунду Аня подняла глаза, но в передней никого не было, только в открытую сквозняком дверь, как ей показалась, метнулась длинная тень. Но ведь шаги она явно слышала. Более того, на полу остались большие мокрые следы. Аня не испугалась. Она стала ждать, что будет дальше. Но ничего больше в этот день не происходило. От безделья Аня даже сама попробовала написать книгу, но смогла только вывести черной авторучкой на салатной клеенчатой обложке общей тетради название: «Село и люди».

— Какие люди? Какое село? — вслух невольно произнесла она, — мужики почти все спились и вымерли от суррогатного спирта, а бабы злые, молодежь разбежалась...

За Аней несколько дней пытался ухаживать местный паренёк. Он возил в село баллоны с газом. Алексей был мешковат, хотя ему было всего двадцать пять лет. Он считался завидным женихом на селе: работает газовиком, зарплата для села большая, и служебным грузовиком он пользовался как личным. Начальство позволяло ему держать машину в заулке возле дома, Алексей ездил на ней в лес, на рыбалку, иногда калымил, была она и хорошим подспорьем в личном хозяйстве. Некоторое время он пристрастился к спиртному, но его властная мать Полина быстро пресекла слабость сына, отобрал у него пластиковую карточку, на которую начисляли зарплату. Он как-то пригласил Аню в местном клубе на танец, неуклюже обнимал, а после они смотрели польский фильм в этом же клубе, где, как ей показалось, Алексей смеялся в ненужных местах. Аня отчужденно смотрела на его профиль в темноте зала и думала: зачем у него на таком большом лице такой маленький нос? От бабки Елизаветы она недавно слышала, что чем больше у мужчины нос, тем больше его мужское достоинство. Рассуждение старухи тогда очень насмешило ее. «Может быть, поэтому Алексей до сих пор не женат», — невольно подумала она.

Один раз она ужинала в доме Алексея, ее поразила властная мать, жидкая, темная похлебка с грибами, которую молча, как по команде, ели за столом. Полина расспрашивала Аню о родственниках, учебе в училище. А после, высокомерно глядя на библиотечаршу, сказала, что хотела бы для Алексея невесту из местных девушек.

Алексей отвел глаза и промолчал. Больше они не встречались.

В этот день Аня пришла в библиотеку за полчаса до ее открытия. Она просто спешила уйти из дома бабки Елизаветы, житье на квартире у старухи становилось невозможным. Бабка постоянно заводила разговоры о повышении квартплаты, у Ани стали исчезать ее продукты, мелкие деньги. Ранний час библиотеки был пустым и душным от печного отопления. Она с оторопью увидела, как к ее столу подошел мужчина в сером мешковатом костюме и заснеженных домашних тапочках. Лицо у мужчины было землистого цвета с тонкими синими губами.

— Я вам наконец книгу принес, три года назад брал почитать Островского, да и забыл о ней. Вчера случайно в серванте нашел.

— Вы у меня ничего не брали, — пролепетала Аня странному абоненту. — Вам не холодно из дома было в костюме идти?

Мужчина ничего не ответил, медленно повернулся и вышел на улицу, унося с собой потрепанную книгу. Аня только обратила внимание на его неестественно прямую спину со следами больших черных ниток и мокрой земли на костюме, необычную шаркающую походку. Буквально через минуту раздался телефонный звонок. Районный начальник перешел к делу без ненужных вступлений:

— Как вы посмели покойников в библиотеку записывать? — услышала она истеричный голос в трубке. — Как до такой мерзости додумались? Вас впору под суд отдать!

— А что мне делать? — Севшим голосом пролепетала библиотечарша. — Вы читателей требуете, а их нет...

— Приезжайте в район, пишите заявление об уходе, я как-нибудь утрясу скандал. Один из бывших жителей села увидел в ваших отчетах своего давно умершего родственника и еще нескольких сельских покойников.

Собралась Аня быстро, с бабушкой Елизаветой даже не попрощалась и уже через час была на автобусной остановке. Удивительно, на душе было почему-то не горько, а радостно, и впереди озорно светило яркое февральское солнце, обещая новую жизнь.

СВАДЬБА У БАНКИРА

Председатель коммерческого банка Игорь Иванович Кулаков воспитывал своего единственного сына Артема весьма сурово, несмотря на постоянно росшее благосостояние банкирской семьи. Сам Игорь Иванович разбогател только на склоне лет, когда ему минуло пятьдесят. До этого, в советское время, он долгие годы работал ревизором, практически всю трудовую жизнь советского финансиста прожил на небольшой зарплате. Несмотря на грозную должность, Игорь Иванович никогда взяток не брал. Были в нем некая врожденная косточка финансиста и строгое понятие о деловой репутации, которые не выбили в нем даже лихие 90-е годы.

Все изменилось в одночасье, с приходом рыночных реформ. Тогда разрешили открывать коммерческие банки, правила были еще довольно просты, законы не отработаны, а потому Кулаков довольно легко учредил областной коммерческий банк, затратив на это выгодное предприятие по нынешним временам совершенно смешные деньги. Финансовый опыт у Игоря Ивановича был огромный, были хорошие связи, и банк успешно развивался, особенно первые три года, когда в городе еще не было конкурентов, не было экспансии столичных и иностранных банков. Несмотря на возрастающие доходы, Игорь Иванович, воспитанный на советском аскетизме, продолжал жить внешне небогато и просто. Семья занимала одноэтажный четырехкомнатный дом на окраине города, этот дом Кулакову помогал еще строить его тесть, всю жизнь проработавший начальником смены на местном кирпичном заводе. Дом был небольшим, но со всеми удобствами, а кроме того, при доме находился еще и большой гараж, вмещавший четыре автомобиля. У Игоря Ивановича было хобби — чинить машины, в прежние времена это давало еще хороший приработок к нишей, сторулевой, советской ревизорской зарплате. Кулаков и свою первую машину собрал своими руками, купив в конце 70-х годов разбитый «москвич». Эту привязанность к автомобилям он привил и своему сыну Артему. Артем лет с восьми уже не отходил от отца в гараже, за руль сел в двенадцать, а когда поступил на первый курс автодорожного института, отец купил ему новенькие «Жигули», чтобы парень зарабатывал на карманные расходы частным извозом. Уже на старших курсах института Кулаков помог сыну открыть частную автомастерскую. Он всегда приговаривал:

— Мне для тебя ничего не жалко, но я хочу, чтобы ты сам научился зарабатывать деньги и понимал, как тяжело они достаются!

Сын с отцом не спорил, он знал, что все равно единственный наследник, а у родителей уже есть крупные счета не только в России, но и за рубежом. Он понимал, что отец просто боится жить на широкую ногу, потому и не кичится своим достатком, просто из желания выжить, когда вокруг предпринимателей и банкиров расстреливают бандиты и отнимают бизнес.

Кулаков-старший не поддался даже на настойчивые уговоры супруги, которой хотелось жить не в одноэтажном доме, а в хорошем трехэтажном коттедже с бассейном и альпийским садом. Коттедж этот предлагали купить хорошие знакомые семьи, вла-

дельцы сети аптек, которые, разбогатев на родине, засобирались на ПМЖ во Францию. Кулаков долго думал над этой покупкой, но в итоге сурово сказал жене:

— Погоди, Люда, еще не время...

Артем рос замкнутым молодым человеком, учеба, работа в гараже. Единственным развлечением и тоже работой был приработок таксиста. Колеся по городу, Артем в поисках пассажиров порой близко знакомился с людьми. Так холодной октябрьской ночью он увидел на дороге голосующую, не совсем трезвую девушку. Ее звали Лена. Девушка была стройна, красива, пользовалась вниманием фотографов, на внешность была не хуже топовой модели. Но ни о какой модельной карьере не могло быть и речи: она страдала алкоголизмом. Скорее всего, влечение к спиртному было наследственным. Отец девушки, Валерий Иванович, был совершенно спившийся полуидиот, который бомжевал при живой жене и целыми днями в пьяном бреду бессмысленно щелкал пультом телевизора. Артем стал часто приходить к Лене в квартиру. Мать Лены, Клавдия Семеновна, как обычно, жаловалась на мужа и дочь, а Артем тайком по просьбе девушки приносил красное вино и сигареты, хотя сам к спиртному не притрагивался. Они стали часто бесцельно кататься по ночному городу, у Лены был знакомый фотограф — престарелый Артурчик. Артурчик любил снимать молодых девушек в стиле НЮ, угощал дешевым вином и сосисками. На стене у Артурчика была большая черно-белая фотография, на которой сам голый Артурчик бежал по сосновому лесу и нес на плече такую же голую Лену. Артурчик, глядя на эту фотографию, слащаво улыбался, а Лена, хохоча, говорила Артему:

— Не ревнуй, Артурчик давно импотент, от него и жена ушла из-за этого, девок он только фотографирует, гладит и щупает.

Жилище Артурчика и вправду было донельзя холостятским — колченогая советская мебель периода хрущевской «оттепели», а постоянный свет красного фонаря, который используют для печатания фотоснимков, делал квартиру похожей на какой-то дешевый притон. Иногда они втроем играли в карты. Часто Артурчик удалялся по «срочным делам», оставляя, как будто специально, молодых людей наедине. Близость между ними в эти часы происходила, но было в этой близости что-то незаконченное. Артем так и не мог понять, что же им не хватает. Было ощущение, что во время этой близости Лена будто ускользает от него. Но он чувствовал, что она ему непременно нужна.

Неожиданно для самого себя, Артем в один из таких странных вечеров сделал Лене предложение. Она игриво посмотрела на влюбленного парня и ничего не ответила. Но Артем уже был уверен, что Лена согласится стать его женой.

В тот же вечер Лена рассказала об этом предложении своей матери. Клавдия Семеновна была женщиной очень практичной, даже беспробудный муж-алкоголик звал ее ласково «Коробочкой».

— Выходи за него, Лена, выходи, — замахала она руками на дочь, — какое счастье тебе подвалило, ведь папаша у него — банкир!

— Мама, — жеманно кривилась Лена, — ну, не нравится он мне, не в моем вкусе, какой-то он примороженный.

— Да брось ты это, — напирала мать, — они богатые, подживешься и уйдешь!

— Чему ты меня учишь?

— Да жизни я тебя учу, — не смутившись, отвечала Клавдия Семеновна, — все твои прежние хахали только с тебя тянули. А с этого ты сама хороший куш возьмешь, даже если семейная жизнь не сложится.

На следующий день в гости к невесте пришла мать Артема — Людмила Петровна. Она с удивлением рассматривала обшарпанную квартиру будущих родственников. Брезгливость с ее лица не исчезла, когда ушлая Клавдия Семеновна с кривой, раболепной улыбкой жаловалась, что приданого за Леной никакого нет.

— А что делать, — сокрушалась Клавдия Семеновна, — муж алкоголик, дочь растила на зарплату медсестры.

— Да нам ничего не нужно, — сухо отвечала Людмила Петровна, — лишь бы у сына жена была хорошая, он сказал, что любит вашу дочь. — С этими словами женщина протянула Клавдии Семеновне увесистую пачку денег: — Здесь невесте на платье и еще на разные мелочи должно хватить, а кольца Артем уже у ювелира заказал.

— Я хочу в церкви венчаться, — заявила будущей свекрови Лена, — Артем не против.

— Девочка, над этим нужно серьезно подумать, — ответила Людмила Петровна, — это очень серьезный шаг...

— Я с вашим сыном хочу прожить всю жизнь, — потупив глаза, заверила ее Лена.

— Хорошо, — помягчала Людмила Петровна.

В тот же день, после ухода Людмилы Петровны, мать и дочь поехали на Петровский рынок, где купили дорогую куртку из входившего тогда в моду «нубука», несколько пар сапог и еще целую кучу турецкого трикотажа и диковинный фотоаппарат «Полароид».

— Давно такой хотела, рекламу по телику видела, — заверила мать Лена, — он сразу фотографии делает, прикольно. Сними меня, мама, в новой куртке!

Клавдия Семеновна боязливо сфотографировала дочь. Фотоаппарат зажужжал, и из него стала вылезать бесцветная плотная бумага, которая на глазах стала превращаться в фотографию.

— Чудеса, — улыбалась золотыми зубами Клавдия Семеновна. — Ох Ленка, мы все деньги спустили.

О свадебном платье даже и не думали, Лена сказала матери, что одолжит платье у подруги, у которой гуляла на свадьбе месяц назад.

Свадьба состоялась через месяц. Молодые действительно венчались в церкви, а после загса невеста пожелала объехать семь мостов и на каждый повесить на счастье замок. Но длилось новое семейное счастье недолго. Через три дня молодая жена сбежала от Артема к фотографу-импотенту Артурчику.

У Артурчика она появилась глубокой ночью, нетрезвая и с целым баулом свадебных подарков. Лена отобрала самое ценное. Артурчик накормил гостью сосисками и уложил спать. Лена еще долго одиноко ворочалась в кровати и причитала:

— Только ты, Артурчик, меня понимаешь, не хочу я в чужом доме жить, там пахать нужно на свекра и свекровь. Я говорю Артему: «Почему твой отец нам квартиру не купил, да и машину... Хотя бы „опель“, он же банкир!» А он мне, скотина, отвечает: «А почему твой отец нам квартиру и машину не купит?» Да еще заявил, что мы должны сами все заработать. Скажи, Артурчик, ведь это так скучно?

В ответ Артурчик только плотоядно кряхтел и согласно тряс головой. Спать он лег на старом пальто возле кровати своей молодой подруги и тут же захрапел.

На следующий день Клавдия Семеновна и Лена отвезли дорогую куртку и подарки на садовый участок и, завернув в полиэтилен, закопали под яблоней. Они были уверены, что родители Артема придут их отбирать или предъявят их семейству счет.

— Ох, Ленка, — причитала, орудуя лопатой, Клавдия Семеновна, — как выпутываться теперь будем, банкир ведь кучу адвокатов нанять может, да у него в банке и собственные юристы есть. Гляди, засудит нас!

— Что ты, мама, — беспечно курила Лена, шевеля тонкой, словно приклеенной к губе, сигаретой, — я что, заставляла этого дурака на себе жениться или подарки от него просила? Сам на свадьбе настоял.

Однако шли дни, недели, но их из семьи Кулаковых никто не беспокоил. Артем имел только долгий и неприятный разговор с отцом. Игорь Иванович запретил сыну даже пытаться возвращать сбежавшую жену.

— Будешь, дурак, думать хорошо, прежде чем жениться. Я тебе сам невесту найду. У моего бизнес-партнера замечательная дочка есть. А про это семейство алкоголиков забудь, считай, что мы еще легко отделались, коли ты с этой прошмандовкой не успел ребенка зачать. А шмотки, которые она накупила, и подарки ничего не стоят. Погорели эти мелкие аферисты на мелочах...

Людмила Петровна тоже была рада быстро развалившемуся браку. Лена не понравилась ей сразу и категорически. Единственное, что ее печалило, — венчание сына. «Грех большой!» — про себя причитала она. Но утешала себя тем, что в развалившемся браке сын не виноват.

Месяца через два она встретила Лену и Клавдию Семеновну у кассы в супермаркете. Она видела, как мать и дочь задрожали мелкой дрожью и многозначительно переглядывались между собой, пытаясь изобразить равнодушие.

Но жена банкира только торжествовала от их животного страха и молча измерила Лену и Клавдию Семеновну долгим, брезгливым, уничтожающим взглядом.

СТО ОДНА КЛЯУЗА

В этот летний день в поселке Бредкино была очередь писателю Капитанкину коров пасти. Пастуха в поселке не было, и все жители, кто коров держал, пасли по очереди. А жена писателя Капитанкина шесть коров завела, дачникам из столицы молоко продавать. И что было ей делать, коли муж нигде не работал, он же писатель, а в доме пятеро детей.

Надел писатель Капитанкин черный костюм, голубую рубашку, галстук в горошек повязал, да черные лакированные ботинки, подаренные племянником, на босу ногу напялил, и еще фотоаппарат «Виллия-авто» с боку прицепил. Стоит с кнутом в прихожей возле зеркала, кудрявую шевелюру начесывает, а жена уж тут как тут:

— Ты куда, придурок, коров пасти так вырядился?

— Ты глупая, недалекая женщина, — сурово ответил жене писатель Капитанкин и даже пальцем погрозил, — неужели не понимаешь, что я — писатель? И я должен прилично выглядеть. Как я могу, как простой пастух, коров пасти, все должны видеть, что я — писатель!

Детство и юность писателя

Жизнь у писателя Капитанкина всегда суровой и трудной была. Больше всего любил писатель Капитанкин в детстве со спичками баловаться. То стог сена подожжет, то дом, то детсад, то школу. Потому архивов о его пребывании в этих учреждениях доподлинно не сохранилось. Одни легенды, сказки, были и саги. Односельчане писателю Капитанкину шалости эти всегда прощали, считали, что пиромания его служит заменой полового удовлетворения. Умелым мальчиком писатель Капитанкин рос. Велосипед деревянный смастерил с колесами из железных мисок. С горы покатился да в березу лбом угодил. Тормоза не сообразил поставить.

А самые теплые воспоминания о первой учительнице остались. Один раз в родную деревню заехал, хотел ее повидать. К деревне подходит, видит, какая-то пьяная баба с зеленого бугра катится. Присмотрелся и обрадовался: «Да это же моя первая учительница Марьяванна!»

Любили в те времена праздники. На Октябрьскую и Первомай по три недели гуляли, каждый день в новой избе. А если из гостей идут и не кувыркаются — значит, пло-

хо угощали. Не боялись шумно гулять, здравпункт в деревне был, советская власть о здоровье крестьян хорошо заботилась, местный фельдшер всегда здоровье поправит. Даром что армянин, Амбарцум Саркисович. Бабы его по-простому звали «Амбар Сараич».

Поначалу противился фельдшер, конфузился очень:

— Вы, бабы, как угодно меня называйте, только с постройками не путайте!

Но потом привык, прижился, теперь тоже с красным носом и в телогрейке ходит.

С женским полом в юности писателю Капитанкину не очень везло. Пригласил одноклассницу на первое в жизни свидание за гумно, да и пукнул нечаянно. Пытался казус исправить, все подошвой по траве чиркал, а звук, как назло, все время не тот выходил. Вот и не пришла к нему больше зазноба вечерами на звезды смотреть.

Однако заметили сельяне, что отрок растет нравов строгих и основательный очень. Спросишь что, а он голову долго чешет, вроде как полным дурачком прикидывается, а сам соображает задним крестьянским умом, как лучше и заковыристей ответ держать, а потом его и в письменную форму укладывать научился и публиковать в местной газете в стихах и прозе. Так он и стал писателем Капитанкиным.

Писатель и иностранцы

В эти же молодые годы иностранцев писатель Капитанкин шибко не полюбил. Приехала к ним в колхоз немецкая делегация по обмену сельскохозяйственным опытом. Ну немчура и давай над словом «колхоз» потешаться, дескать «коль» по-ихнему — «капуста», а «хост» — штаны. Вот и выходит, что наш «колхоз» — это по всем признакам — немецкие капустные штаны. А потом и вовсе ехидно говорят:

— Вот мы у себя работаем, чтоб жить, а вы тут живете, чтоб работать!

Смолчал тогда писатель Капитанкин, только желваки на щеках перед немчурой катал.

Но многое в той советской жизни он тоже не понимал и не принимал. Например, почему районная газета называется «За изобилие». Какая-то двойная мораль в этом сквозила. Ибо «изобилие» писатель Капитанкин еще как-то мог представить: сапоги кирзовые, телогрейка новая с каракулевым воротником, каждый день макароны с киселем на столе, шмат сала да четвертинка вечером. Наконец, мопед «Верховина» с двумя скоростями и приемник «Спидола». Это чтоб по деревне возле клуба гоголем тархететь и доярок завлекать. А вот что означает понятие «за изобилие»? Большая загадка. Никак его писательский ум такого простора потребительского охватить не мог.

Писатель и овчина

А еще в те суровые времена из колхоза на работу или учебу в город трудно уехать было. Паспорта в сельской местности не выдавали. Вот и пришлось писателю Капитанкину сумасшедшим притворяться. Залез он на русскую печь и стал молча овчину жевать. День жует, второй жует и на вопросы односельчан упорно не отвечает. Только нежно блеет. Связали его веревками и в той же овчине срочно свезли в психиатрическую больницу. Врач молоточком ему по лбу сильно стукнул и сурово спросил:

— А что тебя, паренек, еще беспокоит?

— Когда Святое Писание читаю, разные эротические мысли возникают, — пуская слюни, отвечает писатель Капитанкин.

Хитрый был доктор, все понял, пожалел пациента и из колхоза в городскую жизнь выдернул, даже в ПТУ на электрика учиться пристроил.

Как писатель облысел

Пошел писатель Капитанкин на пруд от злой многодетной жены утопиться. Видит, а на середине водоема нутрия плавает. Нутрий его сосед разводил, стало быть, клетку животина прогрызла и убежала. Раздумал писатель Капитанкин топиться и полез в воду нутрию ловить. Залез в пруд, размышляет, дескать, обменяю я эту нутрию у знакомой демократки на квочку, цыплят выведу, будут в доме куры — будут яйца и суп из сладких петухов. Подплывает он к нутрии, а она его не боится, смотрит на писателя Капитанкина злобными красными глазами и желтые клыки скалит. Голыми руками в воде нутрию не взять. Поплыл писатель Капитанкин обратно к берегу, а нутрия — за ним и давай его за кудри хватать. Орет писатель Капитанкин, а сделать ничего не может, только воды от боли нахлебался. Так он влез в пруд кудрявым, а вылез на берег лысым. Но нутрию он через несколько дней все же поймал сеткой из-под картофеля и на квочку злобную животину поменял.

Писатель и яйцо

Приехали на выходные дачники-москвичи, чей дом по соседству с писателем Капитанкиным стоял, крыльцо в крыльцо. Жарят москвичи в духовке курицу-гриль, аромат аж по всему поселку стоит. Только за стол сесть собрались, а в калитку писатель Капитанкин вбегает. Бледный, глаза сверкают, ноги у него босые и черные, как головешки, и кричит:

— Вы тут развлекаетесь, музыка с утра играет, час дня, а я еще ничего не ел! — сказал он это и москвичам руку протягивает, а в руке куриное яйцо.

А сосед говорит:

— А сколько у тебя кур, что ты мне яйцо показываешь?

— Пятнадцать.

— Почему не ел? Пять яиц разбил да яичницу себе пожарил, чего ж ты голодный?

— Да жена в церковь ушла, а я посыпку коровам заваривал...

Сосед молча протянул ему сочную куриную ножку и кусок батона.

Ест ее жадно писатель Капитанкин и не понимает:

— Выключите музыку, приехали и веселитесь, а меня все это раздражает, я нервный человек и музыку не люблю. Я здесь хозяин. Тут много негодяев живет, меня все раздражают.

— Ты очень хороший хозяин, — только и ответил сосед, — а почему у тебя на участке овца гуляет, наполовину острижена, на улице такая жара?

— Я писатель, у меня нет времени овцу достричь. Даже у двух коров копыта гнилые, лежат на дворе и встать не могут.

Пожалел сосед животных, овцу писательскую достриг, а коровам копыта марганцовкой промыл и гниль с копыт обрезал.

Жены писателя

Как у настоящего писателя, у Капитанкина в жизни было несколько жен, законных и гражданских. Об этом писатель Капитанкин мудро говорил так:

— Я меняю декорации в зависимости от спектакля!

Первой в его жизни женой стала Валя Курочкина. Сразу домой ночевать привел, с чемоданом. Но она почему-то не с молодым легла, а в кровать к матери пристроилась. Села на кровати и сидит молча, только на панцирной сетке качается.

— Ты чего не спишь, — спрашивает ее мамаша писателя Капитанкина, — уже второй час ночи, у меня глаза слипаются...

— Да я, если засну, — отвечает молодуха, — могу вас, мамаша, во сне нечаянно ударить!

Целую ночь мать писателя Капитанкина глаз не могла сомкнуть. Лежит под одеялом и думает, вдруг обогреет чем-нибудь или в глаз даст. Так и не проснешься вовсе! А утром незадачливую невесту из дома выпроводила.

Только писатель Капитанкин пенял ей с укором и слезами:

— Зря ты, мама, она ведь хорошая, пусть и гермафродит.

— Ой, — всплеснула руками мамаша, — как же ты с ней жить собрался?

— Да как брат с сестрой, — смутился писатель Капитанкин.

В этот же день расстроившийся паренек таблеток седуксена с горя наглотался, но не помер от отравления, а только снова в психиатрический диспансер попал.

Звонят из этого лечебного учреждения и говорят:

— Приезжайте, забирайте сына домой, под расписку!

— А на фиг он мне нужен, — сгоряча отвечает мамаша писателя Капитанкина, донельзя историей с невестой-гермафродитом расстроенная.

Удивились в больнице:

— Как же так, он ведь ваш сын!

Отважилась забрать его из больницы только сестра, да и то пожалела об этом. Прямо за воротами лечебницы писатель Капитанкин неожиданно заявил:

— Надоели вы мне все!

Второй женой стала Оля. Приезжает как-то Капитанкин к мамаше и говорит:

— Я такую исключительную девушку нашел и хочу жениться.

Привел он к мамаше девушку, а она действительно исключительная: голова как большая луковица.

— Откуда ты такая? — только и спросила мамаша будущую невестку.

— Я из Ярка, знаете такой, в Тамбовской области.

Не знала мамаша Ярков и поехала посмотреть на свадьбу.

Гуляет свадьба, а теща писателя Капитанкина, как заполошная, к окну подскочила и кричит:

— Смотрите, кум белой собакой обернулся и мимо нашего дома пробежал. Это — хорошая примета.

Как в воду теща глядела. Развелись молодые через три месяца.

Третьей женой стала Зоя. Баба она была невероятных размеров, а писатель Капитанкин был очень тощим и обожал дородных женщин. Зою писатель Капитанкин шибко ревновал. За бывшим мужем с пассатижами бегал, а жену так к забору прижимал, что штaketник трещал.

Такая же дородная была и Наташа, только все время жаловалась, глядя себя по бокам:

— Я так похудела, так похудела, платье висит, как мошонка!

А потом в жизни его была великолепная фея — Ангелина. К писателю Капитанкину она сама подошла с красной розой на областном вернисаже. Ангелина была замужем за директором школы. Когда муж уходил на работу — ставила на окно кактус, дескать, можно писателю Капитанкину приходить, как профессору Плейшнеру. Ангелина была художницей и еще кое-кем. Об этом писатель Капитанкин узнал, когда его встретили в подъезде два человека в одинаковых ботинках и предложили проехать вместе на черной «Волге» в здание КГБ. Там восемь часов у писателя Капитанкина спрашивали, зачем он плохо говорил о дедушке Ленине. И писатель Капитанкин вспомнил, что об этом лысом и вечно живом дедушке он говорил именно с Ангелиной.

Два писателя

Год не мылся писатель Капитанкин, соседи в баню не пускали, боялись, что вшей принесет. Пошел писатель Капитанкин на пруд хозяйственным мылом вымыться, да и позагорать. А на берегу пруда писатель Федькин стоит, в соломенной шляпе, плавках и с районной газетой под мышкой.

— Здравствуй, писатель Федькин, — говорит писатель Капитанкин и как вежливый человек здоровьем мамы Федькина интересуется: — Жива ли Варвара Петровна?

— Она умерла, — грустно отвечает писатель Федькин и от слепней газетой отмахивается.

— Когда умерла? — сочувствует писатель Капитанкин.

— Да сегодня.

— В морге лежит?

— Да нет, она сегодня утром умерла, — грустно отвечает писатель Федькин, — а я решил пока пойти и позагорать.

Писатель и мемориальная доска

Решил глава поселка Бредкино себе памятник поставить, однако на местных скульпторов с их талантами надежды нет, сваяют ведь точно не так, как надо бы. Больших искажений в образе неизбежно наделают. Приглашать столичного скульптора — накладно. К примеру, на Зураба Церетели никакого бюджета не только района, но и области не хватит. Стало быть, одна надежда на мемориальную доску. Там ведь профиль один требуется, почти фотографический, и несколько слов. А буквы и вовсе исказить трудно, их всего тридцать три.

Только глава поселка текст мемориальной доски на листочке придумывать стал, как за дверью кабинета шум раздается и возня какая-то нехорошая.

Вышел глава на этот шум, а там картина занятная: писатель Капитанкин и писатель Федькин к нему на прием прорваться пытаются, кто вперед поспеет. Капитанкин Федькину рукав от пиджака почти оторвал и очки с носа сбил, а Федькин за брючину Капитанкина зубами уцепился и по ковру за ним злобной собакой тащится, рычит, слюной бешено брызжет.

Красный от злости, Капитанкин отбиться от Федькина не может и жалуется главе:

— Я сегодня утром в писательскую организацию пришел о мемориальной доске в свою честь по случаю юбилея ходатайствовать, а этот гад нагло заявляет, что ему мемориальная доска вперед меня положена!

— Врет он, — кричит с партера Федькин, — мы с ним вместе районную энциклопедию писали, вместе нам должны и мемориальные доски установить, одновременно. Это он вперед меня, писательского начальника, в районную вечность попасть намылился!

Расхохотался глава, не выдержал:

— Вы прямо мои мысли читаете. Буквально десять минут назад я о собственной мемориальной доске думку думал.

Писатель и штамп в паспорте

С женой Татьяной, той, которая родила ему троих детей и привезла еще двух детей-инвалидов от предыдущих браков, писатель Капитанкин познакомился в поезде. Как позже выяснилось, ехала она из мордовских лагерей. А писатель Капитанкин имел

неосторожность пригласить ее в гости. Она приехала сразу с контейнером и двумя детьми. Когда забеременела от писателя Капитанкина, оказалось, что с предыдущим мужем-белорусом не разведена. Писатель Капитанкин долго выводил штамп в ее паспорте марганцовкой и перекисью водорода. Не получилось. Тогда, недолго думая, паспорт решили выстирать и заменить на новый. Так они и расписались.

Надо сказать, что эта жена заставила писателя Капитанкина работать — пасти коров. Он сразу почувствовал себя фермером и писал в письмах родным:

— Я теперь миллионщик, ем масло, творожок, пью молоко, а у вас, наверное, кишки урчат!

Но на деле кредита на развитие фермерского хозяйства писатель Капитанкин не добился, взятые им двадцать га земли оказались торфяниками. Хотел посадить картошку, да земля была такая, хоть киркой лунку под каждую картофелину долби.

Жили впроголодь на пенсии детей-инвалидов, жена выпрашивала посылку для скотины в местной администрации, а он косил коровам камыш на реке и бил неродных детей-инвалидов по голове за каждый кусок хлеба. Так было несколько лет, пока писатель Капитанкин, проснувшись утром, не увидел над собой стоящего с топором старшего из сыновей. В этот же день он уехал в деревню к своей мамаше.

Писатель и земляки

В родной деревне он появился в начале февраля в изъеденном молью полушубке, в рваных башмаках на босу ногу, со старой пишущей машинкой «Москва» и с картонной коробкой, полной порнографических журналов.

— Вот видишь, женка выгнала, — сообщил он мамаше, — не кормила она меня ни в прямом, ни в сексуальном смысле.

И правда, ел писатель Капитанкин через каждые полчаса. Просил оладьи, жареной на сале картошки. И постоянно мерз:

— Мамаша, подтопи печь, я что-то озяб.

За стол сядет и начинает носом шмыгать. Мамаше показывает, что есть хочет. На печет ему мамаша оладьи, много съест, аж вспотеет.

— Ох, что-то я устал.

— Да ты что? Есть, что ли, устал?..

На старой печатной машинке печатал он каждый день письма — ответы на брачные объявления. Отправлял в день штук по десять. Соседи думали: на работу ходит.

— Да на какую работу, — сокрушалась мамаша, — на почту он ходит с письмами и новую невесту ищет, новую дуру.

Сидит писатель Капитанкин, пишет письмо очередной невесте из газеты брачных объявлений, а в избу заходит одноклассник:

— Здорово, Колюха!

— Прошу не оскорблять, я не Колюха, я — Николай Семенович!

Уж и мамаша его урезонивала:

— Не веди себя так, мужики и побить могут.

Испугался писатель Капитанкин, дубинку из осинки выстругал да гвоздь в нее вколотил — от земляков обороняться. Так с дубинкой на почту и ходил. Три месяца кормила его мамаша, все ждала, когда он новую невесту найдет. Даже старые солдатские ботинки у соседа выпросила, в растительном масле вымочила и молотком поддолбила — так сильно они усохли. Ничего, в пору пришлись ботинки.

Проводила его мамаша обратно к жене. Провожала на железнодорожном вокзале. Пошел писатель Капитанкин в туалет и тут же вернулся. Не могу, дескать, нужду справить, на меня все смотрят.

- Да кому ты нужен, — удивилась мамаша, — снял штаны и делай свое дело.
Ходит писатель Капитанкин вокруг мамаша, пальцем грозит:
— Я заметил уже давно, в деревне ты со мной грубо разговариваешь.
— Так зачем же ты тогда ко мне приезжал? — недоумевает мамаша.
— Ты не понимаешь, я писатель, я член Союза писателей, меня в Ростовскую писательскую организацию приняли за книгу «До ветру».
— Поросячий ты член, — рассердилась мамаша, — возьми ливерную колбасу в дорогу и больше ко мне не приезжай.

Писатель и непознанное

А как вернулся к жене, случилась у него встреча не только с женой и детьми, но и с непознанным.

Проснулся писатель Капитанкин ночью, пошел в туалет. А там стоит инопланетянин метра два ростом, глаза горят у него красные, и мысленно говорит писателю Капитанкину:

— Вы очень хороший человек, умный, я вас забираю сейчас с собой на другую планету.

После этих слов писатель Капитанкин оказался в летающей тарелке.

А инопланетянин снова мысленно внушает:

— Не бойтесь, мы утром доставим вас опять на Землю.

Секунды три прошло, и уже писатель Капитанкин на другой планете, увидел очень красивый город, весь в зелени, люди двухметрового роста, как мужчины, так и женщины. Встретили прекрасно и опять мысленно внушили:

— Мы будем с вами иметь контакт, нам такие люди нужны, будем с вами мысленно общаться и навещать вас.

И внушили они писателю Капитанкину:

— Вокруг вас в поселке Бредкино живет много негодяев, завистников вашего таланта.

Под утро писателя Капитанкина инопланетяне доставили обратно в нужник.

С тех пор писатель Капитанкин по заветам инопланетян стал бороться с негодяями в своем поселке. Боролся он с ними посредством писательского дара во всевозможные инстанции. Всего написал на жителей поселка сто одну кляузу.

МИША-ПИСТОЛЕТИК

Миша-пистолетик, будь он знаменит, давно бы посрамил Книгу рекордов Гиннеса. Ибо вопреки известным постулатам медицины выпивал он последние лет двадцать по пять бутылок водки в день. Причем за очередной бутылкой ездил в сельский магазин на велосипеде и с двухколесного коня никогда не падал.

Жил Миша-пистолетик всю жизнь в примаках в избе у тещи. Он, теща Маня и жена Шураня. Пил и жил вольготно, теща была пенсионеркой областного значения, отработала на ферме, хотите верьте, а хотите нет, шестьдесят лет. С пятнадцати лет до семидесяти пяти. Пенсия у орденоносной тещи была даже по городским меркам огромная — тридцать пять тысяч. Вот и лил Миша-пистолетик водку в луженую глотку, закусывая первоклассной бужениной. Женщинам мяса не давал, все съедал сам и приговаривал:

— У вас все равно, поганки, зубов нет.

А прозвали его Мишей-пистолетиком потому, что пугал он домочадцев в пьяном виде самодельным пистолетом, вроде пугача.

В такие опасные минуты теща Маня и жена Шураня тихо сидели на диване, а Миша-пистолетик, не выпуская пугача из рук, злобно наступал кошке на хвост.

Жена толкала локтем тещу, и та многозначительно издавала звук:

— Мяу!

А следом за тещей мяукала и жена.

Любил Миша-пистолетик только своего петуха. Выйдет на крыльцо и кричит:

— Петя, Петя, ко-ко-ко...

И кормил любимца кошачьим кормом.

К мясу у Миши-пистолетика было очень трогательное отношение. Ел он мясо всю жизнь от пуза. Жена и теща держали всегда много скотины. Позвал он как-то сестру Лиду в гости. Не хотела она идти, да брат настоял:

— Пойдем, Лида, я тебе мясо покажу.

Зашла сестра в веранду, а там туша теленка и свиная туша лежат. Показывает Миша-пистолетик сестре на туши и кричит радостно:

— Гляди, Лида, сколько у нас мяса!

А тут жена Шураня в веранду с красными заплаканными глазами врывается и тоже кричит:

— Ты что, опоек, чужим мясом распорядишься, ты растил это мясо?

Тут уж сестра Лида перепугалась:

— Шура, да не нужно мне вашего мяса, у меня же муж на мясокомбинате работает, что мы, мяса не видели?

Конечно, пыталась Шураня алкоголизм мужа укоротить. Да что поделаешь?, Коли на бутылку супругу не даст — Миша-пистолетик берет веревку и идет в баню вешаться. Однажды и в лес вешаться пошел, да веревку потерял. Даже спать с веревкой на шее ложился. А как такое допустить? В деревне злые языки обязательно скажут, дескать, что это за жена, если муж в доме повесился? Вот и приходится ей в день несколько раз мужу на бутылку давать. Подойдет к ней муж, ущипнет за заднее место и кашляет в кулачок, а она ему денежку в ответ дает и только со слезами приговаривает:

— Когда же ты обопьешься, юрьевский мерин!

Всю жизнь Миша-пистолетик от Шураня по бабам ходил. Но самая трогательная любовная история произошла на закате его мужской жизни, можно сказать, посетила его поздняя любовь.

Набирает сестра Лида воду на колонке, а мимо Шураня на велосипеде проезжает, останавливается и говорит сквозь слезы:

— Лида, Миша пропал!

— Да как это пропал?

— Пошел в районную больницу шишечку на плече лечить и не вернулся.

— Да придет, куда он денется, — успокаивает ее Лида, — где-нибудь пьет.

— Да нет его уже второй день, пойдем Мишу искать.

Райцентр был всего в полутора километрах от деревни, но Лида искать брата отказалась, была уверена, что Миша заночевал у собутыльников.

А на третий день брат сам к сестре пожаловал и говорит:

— Лида, только никому не говори, я влюбился.

— Да ты что, тебя Шураня ищет.

— Пришел я на прием к врачу с шишечкой, народу в коридоре много, полно мужиков, а вот пришла женщина с палочкой и почему-то подседа ко мне. Я-то хорошо одет был, жена накануне новую замшевую куртку купила. Посидели, помолчали, и она спрашивает:

— Вы местный? Что-то я вас раньше не встречала.

— А вы?

— Я из-под Питера приехала, я актриса и сейчас пою в Доме культуры. А вы не бывший военный?

— Я бывший офицер, — соврал Миша-пистолетик.

— А вы с чем? — допытывается новая знакомая.

— У меня шишечка на плече вскочила, — пожаловался Миша-пистолетик.

— А у меня на ноге.

— А вы с кем живете? — спрашивает женщина.

— Да с тещей-поганкой и женой-негодяйкой, — сетует Миша-пистолетик.

— И вы так живете?

— Да, — кивает головой Миша-пистолетик, — хотя я самый богатый в деревне человек, всю деревню могу купить, наследство в Питере получил — двухкомнатную квартиру, недавно ее продали.

— А меня зовут Надежда Сергеевна, — заулыбалась женщина, — так зачем вы мучаетесь, бросайте их и приходите ко мне жить, я живу в квартире, и без мужчины-помощника одной тяжело.

Когда в больнице процедуры закончились, они пошли под ручку на квартиру к актрисе, можно сказать, вместе свои шишечки лечить.

— Лида, — продолжал свой рассказ брат, — дверь она открыла, гляжу — на полу ковер, Лида, представляешь, туалет в квартире, я даже заблудился в ее хоробах.

Выпили они, закусили, и сказала актриса:

— Я вас никуда не отпущу, будем вместе жить, подавайте на развод.

Насчет богатого наследства Миша-пистолетик Надежде Сергеевне не соврал. Только получил его не он, а жена Шураня.

Ушел Миша-пистолетик от сестры, в дом к жене и теще зашел и с порога заявил:

— Дайте мне, поганки, денег, я встретил женщину, она такая душистая, а вы обе навозом пахнете. Она даже утром и вечером меня дезодорантом обрабатывает.

Испугалась Шураня да скорее мужа посадила за стол. Съел он две миски крошки из сыворотки с бужениной, две сардельки, выпил бутылку водки и опять за свое:

— Ухожу от вас, поганки.

Так он ходил между двумя домами несколько дней, пока не получил Миша-пистолетик пенсию и не отдал ее актрисе. Повела его Надежда Сергеевна к юристу, совет брать, как развестись. Но тут выяснилось, что у Миши-пистолетика за душой ничего нет, и выпроводила его актриса, восвояси.

Но с тех пор Миша-пистолетик в образ бывшего офицера прочно вошел. В любой праздник форму шурина-прапорщика надевает, тещины ордена и медали на грудь вешает и давай женой и тещей командовать и, как обычно, страшать пугачом:

— Я сказал, поганки, я командир и офицер! Теща, шаг влево, шаг вправо — расстреляю!

— Миша, да ведь это мои медали, — боязливо возражает теща.

— Молчи, мама, — уже защищает мужа Шураня, — пусть перебесится, может, уснет побыстрей.

И права Шураня, ведь уже не раз Миша-пистолетик тещу на простыне через штакетник на улицу выбрасывал. Вызовет милицию Шураня, заберут мужа в вытрезвитель, а утром идет понуро в отделение за буйного супруга законный штраф платить. Начальник вытрезвителя штраф примет и только пальцем у виска покрутит:

— Вас всех троих пора в сумасшедший дом отправлять.

Только вышел Миша-пистолетик из вытрезвителя и снова в чары любви попал. Вновь приходит он к сестре и говорит:

— Лида, я тебе такую историю расскажу. Повела меня Шураня из вытрезвителя на прием к окулисту, очки наконец-то выписать, а врач в меня влюбилась. Завела она меня

в кабинет, свет выключила, навела лампу на глаза и приказала смотреть ей прямо в глаза. И сама мне смотрит в глаза. Тут меня и осенило — она в меня влюбилась.

— Миша, что ты, у окулиста так зрение проверяют, — возражает ему сестра.

— Да что ты, Лида, точно влюбилась!

Историю эту услышал его брат Коляня, большой шутник и тоже любитель выпить. Заходит он к Шуране и говорит:

— Передай брату, что его окулист на прием вызывает.

Это он так хотел Мишу на выпивку из дома выманить. А Миша-пистолетик все слышал, но не сообразил, зачем брат пришел и огородами побежал в райцентр на прием к окулисту.

Возвращается очень расстроенный, к сестре заходит:

— Лида, не пойму я этого врача, вроде Коля приходил и сказал Шуране, что она меня вызывает, вроде влюбилась она в меня, а пришел на прием — из кабинета выгнала.

Промолчала сестра, знала она, что это Колянины проделки. На какие только выходки Коляня не шел, чтобы на выпивку денег добыть. Пришел в местную «Сельхозтехнику» к директору, где раньше Миша-пистолетик шофером работал, и говорит:

— Брат Миша умер, дайте деньги на похороны.

Собрали, сколько смогли, и Коляне вручили. Весть быстро по райцентру разнеслась. Стоит Шураня в очереди в магазине у винного прилавка — муж без водки и домой не пустит, а к ней знакомая с печальным видом прислоняется:

— Соболезную, Александра Ивановна, муж у вас умер.

Испугалась Шураня, зарыдала:

— Как же так, я ведь утром уходила, Мишаня живой был, веселый, на гармошке играл.

Плохо стало Шуране, уж побежали «скорую» вызывать, да тут другая знакомая в магазин заходит, услышала разговор и кричит с порога:

— Что за чушь, да жив твой Миша, сейчас у пивного киоска с мужиками стоит, минутой назад его видела!

А брата Коляню за проделку милиция оштрафовала и деньги «похоронные» заставила в организацию вернуть до копейки. Только к мужнину брату Шураня претензий не предъявила. А все потому, что один раз решила Шураня мужу изменить, можно сказать, отомстить. Стал ее последнее время домовой одолевать. Пойдет на двор корову доить, только за вымя буренки потянет, а уж домовой ее сам рыжими руками облапает и давай сиськи мять. Какие уж тут удои? Одни убытки от такой напасти.

Теща Маня на картах дочке гадала, и все время бубновый король выпадал. Тут и догадалась теща Маня, всю правду карты открыли, и говорит дочке:

— Это не к добру, тебя в облике домового Мишанин брат домогает.

Купила Шураня четыре бутылки портвейна «три топора» и пошла к Коляне. Для храбрости еще по дороге вино выпила, оно и понятно, ведь любимому мужу никогда не изменяла, стало быть, большие нравственные муки испытывала. Так с недопитой бутылкой до сарая с сеном добралась. Как доползла — не помнит. Рано утром проснулась обнаженной на свежескошенном сене, вокруг выпитые бутылки валялись. Пришел утром Коляня в сарай молодому бычку сена зацепить да граблями голую Шураню и вытащил.

Домой пришла Шураня, тут и почувствовала, что зубной протез потеряла. Возвращается к Коляне и шамкает:

— Отдай, Коляня, мои зубы.

— Да на фиг мне твои зубы нужны, — возмутился Коляня, — где потеряла, там и ищи.

— На сеновале они у тебя, я больше нигде не была.

Почесал затылок Коляня и говорит:

— Дашь сто рублей, может, твои зубы и найду.
И ведь нашел за сто рублей, все сено в сарае перевероршил, а зубной протез нашел!
А к своим похоронам Миша-пистолетик с большим юмором отнесся. Любит эту историю теще и жене вспоминать. Дескать, хорошая это примета — живого похоронить.

ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА

Во время Святков в деревне проходили веселые вечера. Было это, по живописным воспоминаниям моей матушки, в сталинские времена. В ту пору еще не во всех деревнях работали клубы, и для гулянья молодежи выбирали самую большую избу-пятистенок. Из избы все убирали, а под потолок вешали четыре большие шестилинейные керосиновые лампы, которые могли гореть всю ночь. Вокруг стен ставили лавки, для зрителей, или, как тогда говорили, «смотрины», за русской печкой делали загородку для баб и старух, как в хлеву для телят.

На веселые вечера со всей округи приезжали на санях девки и ребята. Пахло тулурами, свежим сеном. Молодухи брали с собой трофейные наряды, которые их отцы привезли из побежденной Германии, и туфли на деревянных каблуках. Надевали праздничное платье уже в избе. А парни заходили в горницу в хромовых сапогах гармошкой, кто и в галифе, в розовых рубашках с воротом «апаше». И обязательно кудрявую голову украшала фуражка-восьмиклинка, а то и кубанка с красным околышем.

Веселье начиналось так: собирались два гармониста с «хромками», чтобы музыка не прерывалась, даже если один гармонист устал. Главный гармонист сидел под образами в переднем углу. Он был первый парень на деревне, хоть рябой, хоть косой. Хороших гармонистов было мало, они часто куражились, приходилось долго упрашивать. Хотя на гармониках играли многие, но только, как говорится, «запрягу да выпрягу».

Начиналась пляска с пары бойких девок. Плясали по очереди, но все собравшиеся должны были свое отплясать. Гармонисту заказывали музыку к танцу. Кто «соломушку», кто «скобаря», кто «семеновну», а те молодухи, которые дробить каблуками не умели, а только ногами шаркали, заказывали гармонисту «простенького». Бабы и старухи в своей телячьей загородке у печки лузгали семечки и смачно комментировали:

— Вон как дробит, м..., только пол трещит!

Обсуждали бабы, у кого какие туфли, платки, шали. В платке — бедная, в шали побогаче, а в шали с кистями да расписными маками и в фильдеперсовых чулках — натуральная барыня. Да юбку такая барыня в пляске обязательно поднимет, чтобы всем модные синие панталоны с начесом показать. А бабы все замечают:

— Это у нее батька в район ноне ездил, чулки и панталоны с ярмарки привез. Да булок с маком, гляньте, как с булок у нее жопенка округлилась...

Ребята и девки сидели на лавках напротив друг друга и выглядывали себе пару. Когда девки отпляшут, начинали плясать ребята. В основном дробили «скобаря».

Среди всех парней выделялся Ленька Левушкин. Он свою пляску начинал с акробатического номера: делал три колеса по всей избе под общее визжание девок, баб и старух:

— Ой, какой Ленька увертливый!

Закончит Ленька по избе колесить, топнет ногой и запоет:

— Я пойду и попляшу, а медали липают, я люблю, как девки пляшут, только сиськи дрыгают.

Следом выходил плясать в морской фуражке чудаковатый, с вечно открытым ртом Ванька Степкин. Бабы одобрительно гудели:

— Смотрите, Ванька петухом пошел!

А Ванька в самый раж вошел:

— Хочешь — задницей свищи, а меня заели вши, почему заели вши? В бане год не паривши.

Стоит гогот по всей избе до двух часов ночи.

Случались и недоразумения, когда на гулянье заглядывали уже женатые парни. Пришел на веселые вечера женатый гармонист Витька Садиков с женой Ньюшей. А на гулянье городская девушка Галина оказалась, к бабушке погостить из ремеслухи приехала. Пригласил Витька Галину вначале на вальс, а затем на фокстрот. Ох и ладно они станцевали, этой паре даже аплодировали. Только хватились, а жены Ньюши уже в избе нет, приревновала, значит, и убежала. Стали искать всей деревней и нашли на Костином логу. Из петли еле успели достать. Ньюша от ревности пыталась повеситься на осинке. После бабы вокруг Ньюшиной избы с иконами ходили, молодую семью от городской лярвы «отливали».

Но такое происходило, конечно, нечасто. После двух ночи молодухи шли переодеваться в другие платья, называлось это «передевка», а часть девок переодевалась парнями. Девки в это время кормили местные и давали самогончики или деревенского пива из чайника для «храбрости». И тут начиналось уже другое веселье. Девки, которые переодевались парнями, начинали петь похабные частушки. Чем похабнее, тем лучше. Посреди избы ставили скамейку и выбирали «вожака» с широким солдатским ремнем в руках. Парень выглядывал себе девку, подходил и садился к ней на колени, одной рукой за шею обнимал, а другой начинал груди щупать. А если девка была «супротив», как замечали бабы и старухи, «вожак» должен был отвести молодуху в сторонку и отхлопать по заднице солдатским ремнем.

Часто веселье заканчивалось дракой. Драку с приезжими, как правило, затевал местный трусливый горбатенький парень Колька Гоголь, вбегал в избу с колом, рвал на себе рубаху и кричал:

— Ребята, наших бьют!

В избе и на улице начиналась потасовка. Девки и бабы разбежались с воплями, а парни шли стенка на стенку. На веселые вечера приходила молодежь с цепями от комбайнов, финками.

Но драку начинали с кулаков и колов. Отчаянно трещали окрестные изгороди. Удивительно, но лежачего никогда не били, и никогда дело не доходило до смертоубийства. Заденут, бывало, финкой паренька, а правило было — в живот и грудь ножом не бить, и бабы истошно кричат:

— Девки, ссыте на него, ссыте! Дунька, ты посмелее, поссы на рану ему, поссы, да ссы побольше, чтобы заражения крови не было!

Подымет смелая Дунька подол и давай на рану увечному журчать под одобрительное оханье, чтобы быстрее порез заживал.

Передерутся на улице, а после давай мириться, брататься, целоваться и дальше выпивать. И опять пляски до шести утра. Иногда на этих вечерах выбирали себе девку в жены. Даже силой увозили, выведут из избы, завернут в тулуп и в сани. А если сбежит по дороге девка, все равно она считалась уже опозоренной.

На следующий день веселые вечера устраивались в другой деревне. И так было со Святок до Крещения. Разговоры об этих веселых вечерах бабы вели до Масленицы. А как иначе? Ведь интересно, кто на ком женился, кто в какую историю на гулянье попал.